

DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-050-059

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 40–50-е гг. XIX в.

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской академии наук
Российская Федерация, 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
E-mail: daniyal2006@rambler.ru

В статье на основе документального материала и научной литературы освещается место Северного Кавказа во внешней политике России рассматриваемого времени. Прогрессирующий упадок шахского Ирана и султанской Турции, активный выход Петровской России на международную арену поставили вопрос о судьбе Кавказа, в частности, Северного Кавказа, в круг важных проблем мировой политики изучаемого периода. Став одним из основных источников противоречий в отношениях России, Персии и османской Порты, Кавказ в силу своих важных геостратегических позиций привлёк внимание и европейских ведущих держав – Британии и Франции. Кроме того, рассматривается роль османских и западных эмиссаров во внешней политике России в исследуемый период. Западные государства, наряду с проведением политики «восточного барьера» в Европе, разжигали противоборство Ирана и Турции с Российской империей на Кавказе, чтобы помешать продвижению Петербурга к Каспийскому и Чёрному морям, выходу России на Ближний и Средний Восток. С этой целью европейские державы стремились использовать опорные базы османского султана и крымского хана, созданные на подступах к Северному Кавказу ещё в XVI–XVII вв. Противоречия между Британией и Францией по европейским делам, с одной стороны, и между Ираном и Турцией – с другой, не исключали возможности временных компромиссов между соперничавшими государствами, чему также способствовала и явная антироссийская направленность их политики на Кавказе. Также показано пророссийское отношение местного населения в Крымской войне, их активное желание воевать на стороне русских войск.

Ключевые слова: Россия, Турция, Запад, Северный Кавказ, Крым, народы, политика, договор, владетели, эмиссары

THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE 40–50S OF THE XIX CENTURY

Kidirmiyazov Daniyal S., D. Sc. (History), Professor
75 M. Yaragskogo Str., Makhachkala, 367030, Russian Federation
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: daniyal2006@rambler.ru

Based on documentary material and scientific literature, the article highlights the place of the North Caucasus in Russia's foreign policy at the time under review. The progressive decline of Shah's Iran and Sultan's Turkey, and the active entry of Peter's Russia into the international arena put the question of the fate of the Caucasus, in particular the North Caucasus, in the circle of important problems of world politics in the period under study. Having become one of the main sources of contradictions in relations between Russia, Persia and the Ottoman Porte, the Caucasus, due to its important geostrategic positions, attracted the attention of the European leading powers – Britain and France. In addition, the role of Ottoman and Western emissaries in Russia's foreign policy during the period under study is considered. Western States, along with the implementation of the "Eastern barrier" policy in Europe, incited the confrontation of Iran and Turkey with the Russian Empire in the Caucasus in order to prevent the advance of St. Petersburg to the Caspian and Black seas, and Russia's exit to the middle East. To this end, the European powers sought to use the support bases of the Ottoman Sultan and the Crimean Khan, created on the approaches to the North Caucasus in the XVI-XVII centuries. The contradictions between Britain and France on European Affairs, on the one hand, and between Iran and Turkey, on the other, did not exclude the possibility of temporary compromises between the rival States, which was also facilitated by the obvious anti – Russian orientation of their policy in the Caucasus. The Pro-Russian attitude of the local population in the Crimean war and their active desire to fight on the side of the Russian troops are also shown.

Keywords: Russia, Turkey, the West, the North Caucasus, Crimea, peoples, politics, contract, rulers, emissaries

В рассматриваемое время во внешнеполитической деятельности Петербурга обозначились принципиальные изменения. Возникает определённый переломный момент к расширению в крае военно-управленческого господства и армейско-боевой жёсткой линии, что порождало противодействие здешнего коренного населения.

После заключения Адрианопольского трактата 1829 г. упрочение позиций Петербурга в регионе в основном стало делом внутренней политики. Однако политика султанской Порты и Англии также оказывала влияние на ход событий на Северном Кавказе, где шла Кавказская война, особенно на Северо-Западном Кавказе, куда проникали османские контрабандисты и британские эмиссары, подстрекавшие повстанцев к сопротивлению.

Следует отметить, что в рассматриваемое время главным источником внешней угрозы российской политике на Северокавказском регионе была Британия.

Лондон рассматривал Северный Кавказ как выгодный военно-стратегический плацдарм для своей дальнейшей экспансии. В связи с этим англичане делают основную ставку на подстрекательские шаги по отношению к северокавказским народам, которых они обеспечивали оружием и боеприпасами для продолжения Кавказской войны.

В 40-х гг. XIX в. действия английских эмиссаров и турецких контрабандистов на Северо-Западном Кавказе продолжались. Против османских судов, подвозивших оружие, порох и т. д. на северокавказское побережье Чёрного моря, использовались казацкие большие лодки. Они могли вплотную приблизиться к берегу и даже высаживать десантные группы для ликвидации пиратов и дать свободу пленным. В 1844–1846 гг. было арестовано двадцать восемь османских кораблей. Так, из одного суда было освобождено около 80 молодых девушек, похищенных для сбыта в неволю. Кроме того, в 1847 г. к кавказскому побережью был послан английский корабль «Кенгуру» с оружием, боеприпасами и отрядом польских наемников [2, с. 123].

В 1840-х гг. российское военное командование на Кавказе переходит к системе окружения и сокращения подвластных повстанцам территорий на Северо-Восточном Кавказе, отрезая горцев от равнинной зоны и лишая их продовольствия и всего необходимого. Однако результаты этой стратегии не могли проявиться оперативно, хотя к середине 40-х гг. XIX в. высший подъём народно-освободительного движения прошёл.

Но всё же повстанцы сделали попытку поднять на борьбу кабардинцев, карачаевцев, закубанцев и др. [6, с. 443]. С этой целью на Северо-Западный Кавказ был отправлен наиб Магомед-Гаджи (в Закубанье его называли Хаджи-Мухаммед).

Весной 1846 г. крупный отряд во главе с имамом Шамилем предпринял поход в Кабарду с целью перерезать Военно-Грузинскую дорогу, соединиться с жителями Закубанья и тем самым расширить фронт борьбы народов Северного Кавказа [14, т. 17, с. 178].

В конце 1848 г. Шамиль направил в Закубанье своего нового наиба Мухаммед-Амина. Находясь здесь, Мухаммед-Амин действовал вполне самостоятельно, признавая власть имама Шамиля «только номинально» [14, т. 17, с. 170].

В начале 1854 г. повстанцы под руководством Мухаммед-Амина нанесли несколько заметных нападений по приморской укрепленной линии [5, л. 24–24 об.].

Между тем, ожидая прибытия султанских войск в северо-западной зоне Кавказа с первых дней крымской кампании (1853–1856 гг.), Мухаммед-Амин приготовился к приёму. В то же время Сефер Занов, владетель шапсугов, провозгласив себя главным руководителем всех адыгов, проводил встречи с османами о помощи черкесов своим непримиримым противникам – Российскому государству. С. Занов при поддержке местных владетелей, с помощью Стамбула сделал ряд попыток проникнуть на территорию Северо-Западного Кавказа и, если удастся, парализовать влияние Мухаммед-Амина на местное население. Сефер-бей Занов прибыл весной 1854 г. в Сухум. Оттуда он отправил воззвание адыгам, предлагая повстанцам отправить вооружённые отряды в Абхазию для оказания помощи султанской армии. Однако повстанцы отказались посылать в Абхазию свои воинские силы, беспокоясь оставить свои земельные участки незащищёнными [18, с. 96].

Между тем, наиб Мухаммед-Амин очень хотел использовать помощь османов и поддержку турецкого султана укрепить свои позиции на Северо-Западном Кавказе. Но Мухаммед-Амин старался это сделать без ведома Сефер-бея. С тех пор начинается вражда между ними. Наиб Мухаммед-Амин и Сефер-бей, как отмечал автор начала XX в. Е. Д. Фелицын, показывали себя как разного рода «благородства (Сефер-бей – *прим авт.*) аристократического

происхождения и власть, данную извне османским правителем, а другой (Мухаммед-Амин – *прим авт.*) – духовное начало и власть, возникшую из среды народа» [25, с. 80].

В апреле 1857 г. наиб Мухаммед-Амин уехал в Турцию, дав указание старшинам западно-адыгских обществ активизировать свои действия против русских войск. В середине года восставшие активно участвовали в боевых мероприятиях с русскими. Людские жертвы с двух сторон были внушительными [21, с. 92].

Между тем, осенью 1857 г. Сефер-бей попытался создать самостоятельное черкесское государство под своим руководством. Он обращается со своим письмом к российскому царю Александру II. В своём послании в Петербург Сефер-бей добивался признания независимости Северо-Западного Кавказа от Российского государства [25, с. 140]. Однако попытки шапсугского князя с помощью Порты стать во главе народа закончились безрезультатно. Требования Сефер-бея были отклонены российскими властями. Российское правительство попыталось установить своё полное политическое господство по всему Кавказу и, разумеется, исключён был даже теоретически вопрос создания независимого государства адыгов.

Забегая вперед, укажем, что после завершения русско-османской войны расширились боевые действия царских войск против повстанцев.

Следует отметить, что с началом Крымской войны (1853–1856 гг.) действия имама Шамиля на Северном Кавказе активизировались. В 1854 г. Шамиль заручился поддержкой начальника османской азиатской армии и организовал совместные с Портой военные действия на Северном и Южном Кавказе. Летом того же года отряд повстанцев во главе с имамом перешёл через Главный Кавказский хребет и разорил населённый пункт Цинандали в Грузии. Вскоре, узнав о приближении русских войск, отряд Шамиля отступил на территорию Дагестана. Что касается Северо-Западного Кавказа, то русские войска оставили Кубань и укрепления Черноморской линии. В 1854 г. главнокомандующий российскими войсками на Кавказе М. С. Воронцов покинул регион, передав руководство корпусом генерал-майору Н. А. Реаду. Положение изменилось только после вступления на престол нового царя Александра II и окончания Крымской войны. В 1856 г. российское правительство назначило новым главнокомандующим на Кавказе кн. А. И. Барятинского. Российские войска в регионе были усилены войсками, вернувшимися из Анатолии [11, с. 415].

Необходимо подчеркнуть, что Крымская война 1853–1856 гг. оказала немалое воздействие на характер событий, происходивших в северокавказском крае. Как следует отметить, эта кампания началась в результате углубившихся мировых разногласий на Балканском полуострове, в Малой Азии и на Северном Кавказе в противостоянии с Российской империей, с одной стороны, и европейскими державами – Францией и Британией – с противоположной. Крымская кампания являлась захватнической по характеру с двух сторон. Британия и Франция пытались принудить перейти Португалию на свою сторону, а Россия добивалась контроля над Чёрным морем и усиления своей роли на Балканах.

Наиболее агрессивные силы в Британии замыслили даже захватить от России Крымский полуостров, Северный Кавказ и другие земли. Средством своих великодержавных целей британцы использовали султанскую Турцию, правящая элита последней жаждала экспансионистских, захватнических планов по отношению к Северному Причерноморью, Крыму и Северному Кавказу. Глава иностранных дел Англии Г. Пальмерстон в середине 1845 г. указывал: «Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции; часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии; восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. ... Крым, Черкесию и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана» [27, р. 315].

Необходимо подчеркнуть, что план действий по уменьшению роли Петербурга, объявленный руководителем английского внешнеполитического ведомства, не соответствовал задачам Франции и, естественно, шёл в разрез интересам последних. Следует указать, что французы не хотели роста авторитета англичан и сильного снижения роли России. Однако цели главы британского внешнеполитического ведомства, в том числе мобилизации всех сил для вовлечения на свою сторону, притягивали всё больше западных стран и население северокавказского региона. В связи с этим сначала император Франции Наполеон III не был против планов Г. Пальмерстона [12, с. 656].

В военных планах западных государств Северный Кавказ играл чрезвычайную роль, поскольку край имел важное геостратегическое значение. Кроме того, как отмечалось выше, здесь ещё продолжалась Кавказская война. Особенно большие надежды союзники возлагали на имама Шамиля и его наиба на Северо-Западном Кавказе Мухаммед-Амина. В желании использовать в борьбе против России повстанцев Северного Кавказа союзники крымской коалиции нашли общий язык. Порты и европейские державы пытались установить связи с руководителями народно-освободительного движения, использовать местные народы в борьбе против русских. Союзники считали, что внешняя граница Российского государства «должна проходить к северу от Терека и Кубани» [4].

На военном совете, состоявшемся в присутствии британского посла С. Редклифа, было решено, что на кавказском фронте нужно провести скорую наступательную войну, чтобы поднять северокавказские народы. К жителям региона были отправлены многочисленные султанские и британские эмиссары с воззваниями продолжать «священную войну» против русских [22, ф. 38. оп. 30/286, св. 861. д. 47, л. 9–11].

Однако местные народы встали в Крымской кампании на сторону русских. Патриотические настроения переполняли население края. Дагестанцы, адыги, кубанские ногайцы, осетины, абазины, балкарцы, карачаевцы и др. изъявили желание вступить в ряды северокавказских ополчений для участия в Крымской войне. Когда русская администрация в регионе, согласно указанию военного командования на Кавказе, объявила местным жителям о не принудительном зачислении в кавалерийский резерв, чтобы участвовать в войне с османами, то в адрес русского командования посыпались рапорты и прошения об участии в войне от многих добровольцев.

В состав Отдельного Кавказского корпуса русской армии входили иррегулярные воинские части и подразделения, укомплектованные из представителей северокавказских народов [9, с. 53].

Турецкое военное руководство надеялось на лёгкие лавры победителя в Малой Азии. Четыре османских соединения, которые находились в городах Ардагане, Батуми, Карсе, Баязете, вероятно, должны были одолеть сопредельные русские гарнизоны и следовать далее российскому военно-административному центру на Кавказе – Тифлису. Из Северного Кавказа с поддержкой туркам собирались подойти шамилевские ополченцы. Турецкие военные корабли должны были десантировать огромную военную группировку на черноморском побережье, чтобы затем пойти навстречу ополченцам во главе с наибом Мухаммед-Амином и пресечь пути сообщения российских войск. Впоследствии уничтожение военных крепостей, с размахом раскинутых по окружности Кавказского хребта, представлялся неминуемым. Но эти планы Порты не осуществились. Попытка наиба Мухаммед-Амина во главе крупного отряда из числа адыгов летом 1855 г. овладеть Карачаем также закончилась поражением горцев. Русские войска одержали победу, а Мухаммед-Амин вынужден был отступить в Закубанье [15, с. 49]. За несколько месяцев до начала Крымской войны сам имам Шамиль сделал безуспешную попытку со своими воинскими отрядами прорваться через Лезгинскую укрепленную линию на Южный Кавказ. Таким образом, планы повстанцев соединиться с османами не увенчались успехом.

Однако эти действия наиба Мухаммед-Амина и имама Шамиля очень встревожили русское военное командование в регионе. Наместник Кавказа М. С. Воронцов, предупреждая российское правительство об отсутствии больших воинских сил и средств для обороны Южного Кавказа от султанских войск и отрядов повстанцев, просил об отправке сюда для подкрепления воинских сил. Кроме того, серьёзную тревогу для командования создавала и ситуация российских воинских подразделений в прибрежье Чёрного моря. Крупные крепости, рассеянные по побережью, из-за нехватки соответствующего наземного сообщения были почти оторваны между собой.

Военная кампания в начале Крымской войны на кавказском театре снова была проиграна султанской Турцией. Сначала русскими войсками летом 1855 г. был разгромлен в Грузии османский корпус под командованием Селим-паши около населённого пункта Кюрюк-Дара. Это сражение ликвидировало Анатолийскую армию Порты как мобильную боевую силу. Неудачным был, как отмечалось выше, поход имама Шамиля на Южный Кавказ на соединение с османскими войсками.

Между тем, весной 1855 г. в Сухуме высадился первый десантный отряд турецких войск под командованием Мустафы-паши, которого султан назначил наместником Западного Кавказа, присвоив ему воинское звание «маршала земли черкесов и Батумской армии» [20, с. 172].

Для того чтобы ускорить сборы повстанцев, османский паша отправил на Северо-Западный Кавказ своего эмиссара Хаджи-Исмаила, который призывал местное население принять подданство Порты и выступить против русских. Однако большинство жителей региона категорически отказалось от призывов османского эмиссара. Мустафа-паша доносил своему правительству, что Хаджи-Исмаил, посланный на Северо-Западный Кавказ для приведения к присяге местные народы, «не смог исполнить возложенного на него поручения» [22, ф. ВУА, оп. 1, д. 6581, л. 8].

Необходимо отметить, что в ходе Крымской войны население региона против русских войск так и не предприняло сколько-нибудь значительных действий. Например в середине 50-х гг. XIX в. абадзехское население региона не поддержало обращения Мухаммед-Амина и английских лазутчиков принять активное участие в антироссийских действиях. В это же время адыгский владетель С. Занов и начальник османского военного формирования, захватившего Анапское укрепление, заставляли местных жителей соединиться с ними, но последние дали отрицательный ответ.

Когда султанский военачальник Омер-паша с корпусом высадился на Кавказском побережье Чёрного моря, местное население решительно заявило ему, что выступают против российской администрации на Кавказе не для того, чтобы подчиниться османским или западным властям, и не разрешали к себе в горы агентов союзников. После разочарования народов региона в лживых обещаниях османов, обращения наместника Кавказа М. С. Воронцова к местному населению встретили широкую поддержку со стороны последних [9, с. 188, 190, 327–329]. Роль британских и османских эмиссаров в Кавказской войне не следует особо преувеличивать. Ни османы, ни их западные союзники не смогли поднять народы Северного Кавказа на всеобщую войну против России в годы Крымской войны [24, с. 59].

Защита г. Севастополя, парализовавшая значительные военные группировки турок, не позволила англо-французскому военному руководству продемонстрировать практическую поддержку османским частям в Азии. Тем не менее, одно из воинских подразделений турецкой армии из Крыма было отправлено для выполнения поставленных боевых задач на Кавказ. Турецкий отряд под командованием Омер-паши обязан был ударить по русским воинским частям, расположенной в Западной Грузии.

Тем временем сторонники Порты, англичане и французы, собирались совершить поход в Анапскую крепость, с отрядами горцев во главе с имамом Шамилем и его наибом Мухаммед-Амином для совместных военных действий по занятию важнейших пунктов, пограничной кордонной линии и стратегических путей сообщения, соединяющих северокавказский край с Южным Кавказом.

Английские и французские войска начали боевые действия в Керченском проливе, пытаясь отделить Крым от Азовского моря и Северного Кавказа. В середине мая 1855 г. объединённые англо-французские войска захватили г. Керчь, а спустя два дня взяли г. Новороссийск. Через неделю был взят также г. Анапа. Вследствие этого русское военное руководство в регионе срочно приняло решение, имея лишь стратегически важную черноморскую укрепленную линию, защищать только земли, находящиеся к северу от р. Кубани.

Необходимо указать, что в середине 1850-х гг. султанский командующий турецкими войсками в крепости Анапа и адыгский владетель Занов продолжали безрезультатные потуги адыгов против России. На этом настаивали турки и их европейские сторонники. Но народы Северо-Западного Кавказа решительно были настроены против британцев и французов. Хотя в крепость Анапу по торговым делам приезжало очень много местных жителей, но они были с иностранцами «в очень враждебном, чем дружелюбном расположении», – отмечал современник [22, ф. ВУА, оп. 1, д. 6651, л. 105].

Не удалась и попытка британских эмиссаров Лонгворта и Белла с помощью адыгского князя Сефер-бея сформировать шеститысячную черкесскую конницу с британским вооружением, чтобы направить её на Крымский полуостров [22, ф. ВУА, оп. 1, д. 6581, л. 25–30]. Действия западных союзников Порты склонить местное население на сторону османов были безрезультатны. Но британские и французские союзники продолжали свои попытки. Правительство Пальмерстона заявило, что Британия «желает независимости Черкесии». К черкесам

от имени османского султана была послана декларация в виде указа, в которой говорилось: «Освободить с помощью Османской империи и наших настоящих единомышленников – руководства англичан и французов» [17, с. 253–254]. Однако местное население не поддалось на лживые обещания дипломатии османов и европейских держав [20, с. 194].

После падения Севастополя в начале сентября 1855 г. британско-французские союзники и османы приступили к военным действиям на Тамани. Адыгский князь Сефер-бей с небольшим отрядом местных владетелей попытался содействовать западным десантным войскам. Однако большинство местного населения решительно отказалось поддержать Сефер-бея. В итоге военная экспедиция западных союзников на Тамань оказалась безуспешной. Под ударами российских войск союзники спешно оставили полуостров и отправились на своих судах в Керчь.

Находившийся при штабе султанского командующего Омер-паши британский военный советник Л. Олифант отмечал, что черкесы в период краткосрочных встреч их с османскими лазутчиками, старавшихся привлечь местных жителей к туркам, «горцы охладели к последним, относились к ним с недоверием и обнаруживали единственное желание, чтобы их оставили в покое» [10, с. 191].

Разочаровавшись в адыгском владетеле Сефер-бее, западные союзники перенесли своё внимание на Мухаммед-Амина в надежде, что последний создаст огромное адыгское ополчение и выступит против российских войск.

В начале осени 1855 г. султанский военачальник Омер-паша установил тесный контакт с наибом Мухаммед-Амином, назначил его командиром всех ополчений северо-западного региона Кавказа, наделил его крупным турецким титулом и вручил погоны генерала, а имама Шамиля произвёл в чин маршала (мушира) турецкой военной службы. Мухаммед-Амин обещал собрать 40-тысячное ополчение из числа народов Северо-Западного Кавказа. Но когда он приступил к сбору добровольцев, то большинство местного населения не поддержало Мухаммед-Амина [13].

Выше уже отмечалось, что много северокавказцев-добровольцев активно участвовало в сражениях против британо-французских войск.

Таким образом, полностью провалились надежды западных союзников на всеобщее выступление местных народов против русских. Также не оправдалась убежденность западных держав на жителей Северо-Восточного Кавказа. Не случайно командир Главного штаба британских войск Виндаш после войны откровенно признавался: «Вообще надо сказать», что кавказцы, в частности, руководитель народно-освободительного движения Шамиль, не оправдали «наши надежды» [22, ф. ВУА, оп. 1, д. 6656, л. 238]. Более того, представители из числа северокавказских народов привлекались к боевым действиям против султанских войск.

Российские власти формировали немало сотен милиции из местных народов, в основном людей «простого звания». Северокавказцы принимали активное участие в сражениях под Карсом и в других местах [30, с. 286]. Кроме того, из числа местных народов были офицеры и «нижние чины» русской армии. Основные силы Кавказского корпуса во главе с генерал-лейтенантом Н. Н. Муравьевым заняли Карс. Остаток османской армии под командованием Омер-паши были сильно ослаблены как в численном отношении, так и моральном плане.

Однако, несмотря на проигранную военную кампанию 1855 г. в Азии, османы и их западные союзники разрабатывали новые планы наступления в глубь Кавказа. Особую активность в этом плане проявляли англичане. После взятия Севастополя генштаб Британии собирался немедленно начать завоевание Кавказа одновременными наступлениями войск из Порты против Черноморского и Каспийского побережья Северного Кавказа и Южного Кавказа [22, ф. ВУА, оп. 1, д. 5953, л. 206]. Согласно плану британского генштаба, предполагалось разделить армию союзников на две части и направить войска англичан на Кавказ, а французские – в Бессарабию.

Следует отметить, что британские власти особенно желали начать военную кампанию против российской армии на Кавказе, вернуть обратно крепость Карс и двинуться далее, чтобы военная экспедиция 1857 г. закончилась полным освобождением Кавказа от русских. Правящие круги Британии и османской Турции мечтали о всеобщем вооруженном выступлении кавказских народов против русской армии. Имаму Шамилю со своим войском отводилась задача занять стратегическую Военно-Грузинскую дорогу. Но начавшиеся зимой 1856 г. мирные переговоры между западными союзниками и Россией показали невыполнимость этих планов европейских держав.

Необходимо указать, что действиям русской армии на Кавказе и политике Петербурга благоприятствовало мирное положение на границе шахского Ирана и обострение противоречий Персии с Британией и османской Портой. Кроме того, между союзниками также имелись большие разногласия. Например султанский наместник Омер-паша опасался передать Анапу британскому и французскому флоту. Лондон и его эмиссары в регионе носились с планом создания «независимой» Черкесии под британским контролем, но Франция категорически была против утверждения в регионе влияния англичан и не хотела посылать подкрепления османскому паше [23, с. 116]. В основном по этой же причине планы англичан насчёт «независимой» Черкесии не получили поддержки французского правительства и на переговорах о мире в Парижском конгрессе 1856 г. Острая дипломатическая борьба развернулась на переговорах. Британские и турецкие представители на конгрессе желали пересмотреть Адрианопольский мир и образовать на Северо-Западном Кавказе буферное государство под названием «Черкесия» [26, л. 30].

Ещё в 1855 г., при обсуждении на конференции в Вене прелиминарных (формальное соглашение между воюющими государствами относительно военных действий и заключения полномасштабного договора – *прим. авт.*) условий мира, британский представитель Джон Рассел «намеревался добиться запрета строительства русских фортов» на Северо-Западном Кавказе, а султанский посланник Али-паша выступил с заявлением о «возможной независимости Черкесии и Дагестана». Особенно важную роль играла эта проблема в заключительные дни на переговорах о мире, начатых после падения Севастополя. Британские представители заговорили теперь об отсечении от России Южного и Северного Кавказа. Однако правящие круги Лондона просчитались. Российский представитель на переговорах А. Орлов, искусно используя противоречия между Британией и Францией и опираясь на мирные договоры между Петербургом и Стамбулом, отклонил притязания Лондона [26, л. 147].

Проигрыш внешнеполитического ведомства Британии по северокавказскому вопросу вызвало бурную реакцию в правящих кругах страны. При обсуждении ратификации Парижского мирного трактата палатой лордов в начале мая 1856 г. враждебно настроенные депутаты выступили с резкими обвинениями в адрес руководства своего внешнеполитического ведомства за то, что оно не смогло отстоять на мирных переговорах в Париже «независимость» Черкесии как якобы «барьера» на пути российской «агрессии в Индию, Иран и Турцию» [10, с. 193]. Некоторые члены палаты лордов были против ратификации мирного трактата и настаивали на продолжении войны именно потому, что северокавказские дела не были решены в пользу Британии. Стараясь оправдаться в неудаче по северокавказскому вопросу, руководитель внешнеполитического ведомства Британии лорд Кларендон заявил в палате лордов, что невозможно было требовать от российского правительства отказаться от Адрианопольского мира и отстаивать «самостоятельность» Черкесии, так как имам Шамиль не посчитал нужным в период военных действий особо стремиться к присоединению к лояльным себе «сторонникам» [10, с. 193].

Во время Парижского конгресса адыгский князь Сефер-бей по директиве Лондона и османов отправил в Стамбул делегацию из 250 человек с поручением просить султана «о присоединении Черкесии» к Порте. В переписке с российским военным командованием в регионе адыгский князь заявлял, что ждет решения Парижского конгресса, который якобы признает Черкесию «независимой» страной [14, т. 11, с. 607].

Между тем, прибывшим в Стамбул адыгским посланникам, османский султан обещал всемерную помощь, если адыги примут подданство Порты. Тогда британские, османские, французские военные корабли будут охранять их с моря, чтобы не допускать «предпринимать со стороны русских войск боевых операций против» северокавказцев [22, ф. 38, оп. 30/286, св. 863, д. 15, л. 107].

Следует отметить, что в период Крымской войны вывоз на продажу невольников, в том числе и русских пленных, на судах турецких работорговцев усилился. В связи с этим в 1857 г. русское крейсерство у кавказского побережья Чёрного моря возобновилось. У России на Чёрном море осталось тогда лишь несколько небольших военных судов, им всё же иногда удавалось захватывать кочермы (одно- или двухмачтовое парусное судно) османских контрабандистов. Немалое количество турецких кочерм и сандалов (одномачтовое судно) причаливали в Туапсе и около Геленджика. На этих судах из Турции привозили порох, штуцеры, а иногда и пушки, что стало особенно беспокоить российское военное командование. Султанские власти, хотя официально запрещали эту контрабанду, но на деле ей покровительствовали.

Такие факты были возможны потому, что, согласно Парижскому мирному договору 1856 г. Российской империи, было передано кавказское побережье Чёрного моря, вместе с тем, статус Петербурга очень ослаб. По соглашению российское правительство не могло иметь на Черном море боевые суда и возводить на берегу крепости. Правящие круги Британии и Порты, которых не покидала идея вытеснить русских далеко за пределы Кубани и Терека, приобрели возможность открыто вести свою антироссийскую деятельность на Северном Кавказе.

Как известно, во время Крымской войны, несмотря на все старания, правящим кругам султанской Турции, Британии и Франции не удалось поднять народы Северного Кавказа против России. Безрезультатными оказались и их стремления активизировать и координировать действия имама Шамиля в ходе Кавказской войны. Имам Шамиль не был сторонником включения Дагестана в состав Порты. Налаживая отношения с османами, руководитель народно-освободительного движения пытался лишь получить от султана поддержку вооружением.

Н. Ф. Дубровин писал, что по некоторым данным видно, что имам Шамиль не хотел соединиться с турками, так как по мусульманской религии «имамство его прекратилось бы с того момента, когда он вступил бы в связь с единоверным имамом правоверных – султаном», ибо имам может быть только там, где «мусульманское племя окружено со всех сторон иноверцами, совершенно отдалено от остальных мусульман» [8, с. 322]. О нежелании повстанцев примкнуть к союзникам также указывал, выступая в британском парламенте, лорд Кларендон.

Следует указать, что в середине 50-х гг. XIX в. в имамате положение было критическим. Местное население уже устало и не желало больше нести жертвы и стали переходить обществами на сторону России.

Находясь в таком тяжёлом положении, имам Шамиль вновь обратился за помощью к иностранным государствам. Послу Франции в Стамбуле имам писал: «В настоящее время мы всё ещё воюем... употребляя все наши силы... Теперь все русские силы сосредоточены против нас... Умные, в том числе многие уважаемые люди из регионов, обращаются ко мне с просьбой, чтобы во имя мира всё это завершить... Вот почему я прибегаю к содействию Вашего превосходительства и прошу представить Е. И. В. настоящее ходатайство в надежде получить скорую помощь, которая поможет нам отбросить неприятеля; мы находимся на исходе наших сил» [10, с. 665].

На самом же деле всё шло к развязке. Наступление царских войск проходило успешно. Значительная часть территории региона была занята русскими войсками.

Между тем, хотя Британия в результате Крымской войны и добилась ослабления Российской империи как на Балканах, так и на Чёрном море, но цели англичан и их сторонников относительно Северного Кавказа, Крымского полуострова и других российских территорий не были реализованы. Однако Англия и Порты не отказались от надежды вытеснить Россию с Северо-Западного Кавказа. Британские и турецкие эмиссары под предлогом, что по Парижскому трактату западные державы объявили северокавказцев «независимыми и приняли их под свою защиту» [3, с. 707], развернули среди местных народов активную антироссийскую деятельность. Решения Парижского трактата о нейтралитете касательно Чёрного моря в действительности сделали кавказское побережье моря свободным для прохождения иностранных судов и нелегальной торговой деятельности. Вдобавок у российской администрации не было реального влияния и средств в организации крейсерской службы вдоль побережья [16, с. 262].

Особенно большую активную антироссийскую деятельность на Северо-Западном Кавказе развернул, как выше указывалось, Сефер-бей. Считая себя руководителем всех отрядов горцев и османских воинских частей в Анапской крепости, адыгский князь прилагал все усилия для того, чтобы поднять местное население против России, призывая их «присягнуть султану на подданство», обещая скорую военную помощь со стороны османов и британцев [22, ф. ВУА, оп. 1, д. 6597, л. 13].

Зимой 1857 г. в устье р. Туапсе британский пароход под командованием бывшего офицера «Кенгуру» высадил отряд легионеров с численностью до 20 200 человек под командованием бывшего офицера венгерской армии Яноша Бандья (Мехмет-бея). Легионеры в основном были представлены венгерскими и польскими наемниками на турецкой службе. В посылке османского отряда основное участие принял министр почт султанской Турции Исмаил-паша и британские дипломаты. Кроме того причастен был к этому делу и австрийский посол в Порте Прокеш-Остен. Исполнением всей военной экспедиции руководил Замоиский. Участником операции был и польский полковник Теофил Лапинский (Тефик-бей) [1, л. 9].

Я. Бандья установил связь с Сефер-беем и некоторыми адыгскими владельцами проосманской ориентации, был провозглашён «главнокомандующим черкесских войск», а затем позже присвоил себе титул «главнокомандующего европейскими войсками» на Кавказе. По прибытии на Северо-Западный Кавказ Я. Бандья стал «начальника штаба» у Сефер-бея [10, с. 198].

Следует отметить, что наиб Мухаммед-Амин занял осторожную позицию по отношению к британо-турецкому отряду легионеров. Попытки командиров отряда связаться с Мухаммед-Амином закончилось безрезультатно. Такое поведение наиба можно объяснить тем, что местное население Закубанья отнеслось негативно к европейским наёмным солдатам. В скором времени среди них последовало повальное бегство, они убегали с настойчивым намерением больше никогда сюда не возвращаться. Необходимо указать, что уже в начале 60-х гг. XIX в. наёмные формирования в регионе отсутствовали [14, т. 11, с. 586]. К началу 1860 г. отряд легионеров прекратил своё существование. Султанские чиновники оправдывались перед членами российской миссии в Стамбуле, что Порта была совершенно непричастна к высадке и действиям отряда легионеров, хотя и знала о них. На самом же деле османы и английское правительство поощряли такие действия, но неофициально, снимая с себя всю ответственность за это [7, с. 171].

Между тем, к началу 1860 г. деятельность султанских и британских эмиссаров на Северном Кавказе, особенно на Северо-Западном Кавказе, вновь активизировалась.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи. – Ф. Главный архив. – Оп. 9. – Д. 27.
2. Адамов, Е. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн / Е. Адамов, Л. Кутаков // Вопросы истории. – 1950. – № 11. – С. 101–125.
3. Акты Кавказской археографической комиссии. – Тифлис : Изд-во: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1904. – Т. 12. – 1556 с.
4. Таймс. – 1854. – 22 сентября.
5. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 1432.
6. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1959. – 785 с.
7. Дзидзария, Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия / Г. А. Дзидзария. – 2-е изд. – Сухуми : Алашара, 1982. – 540 с.
8. Дубровин, Н. История войны и владычества русских на Кавказе / Н. Дубровин. – Санкт-Петербург : Тип. Департамента уделов, 1871. – Т. 1, кн. 1. – 640 с.
9. Ибрагимбейли, Х.-М. Страницы истории боевого содружества русского и кавказских народов (1853–1856 гг.) / Х.-М. Ибрагимбейли. – Баку : Азернешр, 1970. – 233 с.
10. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – Москва : Наука, 1988. – 653 с.
11. История Востока. – Москва : Восточная литература, 2004. – Т. 4, кн. 1. – 608 с.
12. История дипломатии. – Москва : Госполитиздат, 1959. – Т. 1. – 896 с.
13. Кавказ. – 1856. – № 17.
14. Кавказский сборник. – Тифлис : Военно-исторический отдел, 1880. – Т. 17. – 543 с. ; 1887. – Т. 11. – 608 с.
15. Карачаевцы. Балкарцы. – Москва : Наука, 2014. – 815 с.
16. Касумов, А. Х. Англо-турецкие происки на Северном Кавказе после окончания Крымской войны / А. Х. Касумов // Ученые записки КБГУ. – Нальчик : БГУ, 1960. – Вып. 5. – С. 261–292.
17. Кидирнязов, Д. С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX вв.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты / Д. С. Кидирнязов. – Махачкала : АЛЕФ, 2016. – 490 с.
18. Кудяева, С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в. / С. Г. Кудяева. – Майкоп : Магарин Олег Григорьевич, 2014. – 388 с.
19. Магомаев, В. Х. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. / В. Х. Магомаев, Д. С. Кидирнязов. – Грозный : АН ЧР, 2017. – 400 с.
20. Осман-бей. Воспоминания, 1855 г. // Кавказский сборник. – Тифлис : Военно-исторический отдел, 1861. – Т. 2. – С. 163–198.
21. Панеш, А. Д. Юридикализм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.) / А. Д. Панеш. – Майкоп: Адыгея, 2006. – 128 с.
22. Российский государственный военно-исторический архив.
23. Фадеев, Р. А. Письма с Кавказской войны / Р. А. Фадеев. – Санкт-Петербург : Изд-во В. В. Комарова, 1889. – Т. 1, ч. 1. – 502 с.
24. Фадеев, Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны / Р. А. Фадеев. – Тифлис : Военно-походная тип. гл. штаба Кавказской армии, 1860. – 147 с.

25. Фелицын, Е. Д. Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа / Е. Д. Фелицын. – Нальчик : Республиканский полиграфкомб. им. Революции 1905 г., 2010. – 293 с.
26. Центральный государственный архив Республики Грузия. – Ф. 1080. – Оп. 1. – Д. 169.
27. Guedalla Th. Lord Palmerston. – London, 1950.

References

1. *Archive of foreign policy of the Russian Empire*, found Glavnyy arkhiv, inventory 9, case 27.
2. Adamov, E., Kutakov, L. Iz istorii proiskov inostrannoy agentury vo vremya kavkazskikh voyn [From the history of the machinations of foreign agents during the Caucasian wars: Documents]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1950, no 11, pp. 101–125.
3. *Akty Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii* [Acts of the Caucasian Archeographic Commission]. Tiflis, Printing House of the Main Department of the Governor of the Caucasus, 1904, vol. 12, 1556 p.
4. *Times*, 1854, September 22.
5. *State Archive of the Krasnodar territory*, found 261, inventory 1, case 1432.
6. *Dvizhenie gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50-kh gg. XIX v.* [Movement of mountaineers of the North-Eastern Caucasus in the 20–50s of the XIX century]. Mahachkala, Dagknigoizdat Publ. House, 1959, 785 p.
7. Dzidzariya, G. A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [The Banishment and the problems of Abkhaz history of the XIX century], 2nd ed. Sukhumi, Alashara Publ. House, 1982, 540 p.
8. Dubrovin, N. *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [History of the war and Russian rule in the Caucasus]. St. Petersburg, Printing House of the Shire Department, 1871, vol. 1, book 1, 640 p.
9. Ibragimbeyli, Kh.-M. *Stranitsy istorii boevogo sodruzhestva russkogo i kavkazskikh narodov (1853–1856 gg.)* [Pages of the history of the military Commonwealth of the Russian and Caucasian peoples (1853–1856)]. Baku, Azerneshr Publ. House, 1970, 233 p.
10. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.)* [History of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century – 1917)]. Moscow, Nauka Publ. House, 1988, 653 p.
11. *Istoriya Vostoka* [The history of the East]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. House, 2004, vol. 4, book 1, 608 p.
12. *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy]. Moscow, Gospolitizdat Publ. House, 1959, vol. 1, 896 p.
13. *Kavkaz* [Caucasus], 1856, no 17.
14. *Kavkazskiy sbornik* [Caucasian collection]. Tiflis, Military History Department Publ. House, 1880, vol. 17, 543 p.; 1887, vol. 11, 608 p.
15. *Karachayevtsy. Balkartsy* [Karachay people. Balkartsy]. Moscow, Nauka Publ. House, 2014, 815 p.
16. Kasumov, A. Kh. *Anglo-tureckie proiski na Severnom Kavkaze posle okonchaniya Krymskoy voyny* [Anglo-Turkish intrigues in the North Caucasus after the end of the Crimean war]. *Uchenye zapiski KBGU* [Scientific notes of the Kabardino-Balkarian state University]. Nalchik, BGU Publ. House, 1960, is. 5, pp. 261–292.
17. Kidiriyazov, D. S. *Vzaimootnosheniya narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza v XVIII – seredine XIX vv.: politicheskie, torgovo-ekonomicheskie i etnokulturnye aspekty* [Relations between the peoples of Dagestan and the North Caucasus in the XVIII – mid-XIX centuries: political, trade, economic and ethno-cultural aspects]. Makhachkala, ALEF Publ. House, 2016, 490 p.
18. Kudaeva, S. G. *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke* [Adygs (Circassians) of North-West Caucasus in the XIX century]. Maykop, Magarin Oleg Grigorevich Publ., 2014, 388 p.
19. Magomaev, V. Kh., Kidiriyazov, D. S. *Nogaytsy v severokavkazskom istoricheskom protsesse v XVI – nachale XX v.* [Nogaytsy in the North Caucasian historical process in the XVI – early XX century]. Groznyy, AS ChR Publ. House, 2017, 400 p.
20. Osman-bey. *Vospominaniya, 1855 g.* [Osman Bey. Memoirs, 1855]. *Kavkazskiy sbornik* [Caucasian collection]. Tiflis, Military History Department Publ. House, 1861, vol. 2, pp. 163–198.
21. Panesh, A. D. *Myuridizm i borba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost (1829–1864 gg.)* [Muridism and the struggle of the Adygs of the North-West Caucasus for independence (1829–1864)]. Maykop, Adygeya Publ. House, 2006, 128 p.
22. *Russian State Military-Historical Archive*.
23. Fadeev, R. A. *Pisma s Kavkazskoy voyny* [Letters with of the Caucasian war]. St. Petersburg, V. V. Komarov Publ., 1889, vol. 1, part 1, 502 p.
24. Fadeev, R. A. *Shestdesyat let Kavkazskoy voyny* [Sixty years of the Caucasian war]. Tiflis, Military-field Printing House of the General Staff of the Caucasian Army, 1860, 147 p.
25. Felitsyn, E. D. *Sefer-bey Zan. Politicheskiy deyatel i pobornik nezavisimosti cherkesskogo naroda* [Sefer Bey Zan. Political figure and champion of the independence of the Circassian people]. Nalchik, Republican Polygraph Plant named after Revolution of 1905, 2010, 293 p.
26. *Central state archive of the Republic of Georgia*, found 1080, inventory 1, case 169.
27. Guedalla Th. *Lord Palmerston*. London, 1950.